

МОСКОВСКИЙ
ВѢСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1827.

Владимир Павлович Титов

Печеная голова. Переход через реку

Владимир Павлович Титов (1807-1891) Воспитанник Благородного пансиона и Московского университета, служащий при Московском архиве Министерства иностранных дел ("архивный юноша"), он был активным участником кружка любителей, членов которого отличала приверженность к немецкой философии. Еще студентом он перевел одну из трагедий Эсхила, позже - Фукидида; вместе с С.П. Шевыревым и Н. А. Мельгуновым издал на русском языке знаменитую книгу немецкого романтика В. Ваккенродера и Л. Тика "Об искусстве и художниках" (М., 1826), а с открытием журнала "Московский вестник" стал активным его автором, опубликовав здесь в 1827- 1828 гг. статьи о Соединенных Штатах и об Индии, о зодчестве и новом переводе сочинений Платона, о романе и о достоинстве поэта. Печатали Титов и художественные произведения: "восточную повесть" "Печеная голова" (МВ, 1827, Ч. 4, № 13) и "индийскую сказку" "Переход через реку, приключение брамина Парамарти" (там же, № 15 - эту сказку высоко оценил Пушкин в письме к редактору журнала М.П. Погодину от 31 августа 1827 г.).

Содержание

Печеная голова0004
Переход через реку, приключение Брамина	
Парамарты0036

Печеная голова

Происшествие, рассказанное Дервишем.

Хун Киар ([1]), ныне царствующий в Руме, известен как жаркий Мусульманин и усердный защитник правоверия. При вступлении на престол, обнаружил он намерение истребить те обычаи неверных, которые в царствование его предшественника вкрались в Государственное управление: он поставил себе за долг пещись о возвращении делам первоначальной простоты и наблюдать во всем коренные постановления Турецкие. Он между прочим воскресил почти забытую привычку прежних Султанов, ходить переодетыми по городу, и до того был осторожен в выборе одеяний и людей, которым вверял свою тайну в таких случаях, что едва можно поверить, какие запутанные планы он придумывал с тем, чтоб утаить одежду или роль, в которых хотел явиться.

Не за долго перед сим, по Турции: бродило тайное неудовольствие, и мятеж грозил Константинополю. Тогда желая увериться в ис-

тинном расположении умов, он, по своей привычке, вздумал заказать себе одежду, в которой и ближние его служители не могли бы узнать его.

Обыкновенно он заказывал множество одежд в разных местах, у разных портных, в разное время. Но для этого случая, он велел белому евнуху Манзури, любимому рабу своему, привести в полночь со всей осторожностью — самого неизвестного портного, чтоб рассказать ему желаемую одежду.

Невольник униженно отвечал: «баш уступ (голова моя твоя)» и отправился исполнить повеление.

У самых ворот плательного Безестена или ряда увидел он старика, который чинил старую епанчу в такой тесной лавочке, что едва мог в ней поворотиться. Этот старик почти сторбился от беспрестанной работы, которая видно не послужила в пользу и глазам его, судя по очкам, украшавшим его нос. «Такого мне и надобно», сказал себе невольник: «уж верно он не в славе.» Портной трудился с таким тцанием, что не вслушался в приветствие подошедшего Манзури; «мир с тобою,

друг мой!» Он оглянулся вверх, но увидя перед собою человека хорошо одетого, безмолвно принялся опять за работу, никак не предполагая, чтобы тот обращался к нему, бедному Макару, с таким приветствием. Однако видя, что евнух не отходит, он снял очки, кинул работу и хотел встать на ноги; но евнух усадил его, упрашивая не беспокоиться.

«Как тебя зовут»? спросил Манзури.

Абдалла, отвечал портной; к твоим услугам. Но в свете и между друзьями известен я под именем Бабадула.

«Ты портной: не так ли?» продолжал невольник.

Так, сказал старик; я портной: да притом Муэдзин при мечети у балык базара ([2]). Довольно с меня.

«Ну, Бабадул, хочешь ли я дам тебе работу — да славную работу?».

Разве я дурак, чтоб не хотел этого? скажи, что такое?

«Постой, приятель» заметил евнух «не спеши — тише едешь, дальше будешь. Согласен ли ты идти за мною в полночь с завязанными глазами, куда бы ни повел я? А работа будет».

Это дело другое, сказал Бабадул; ныне время страшное, много голов летает, да и не с нашей братии, а с Визирей да с Капитан-Пашей» Однако — заплати мне побольше; я готов сшить пару платья хоть на самого Эвлиса (нечистого духа).

«Хорошо; так ты согласен?» сказал евнух, сунув ему два золотых в руку.

О, разумеется согласен, отвечал Бабадул. Скажи только, что делать; и положишься на меня.

И так они условились, чтоб евнух пришёл к лавочке в полночь, и увел портного, завязав ему глаза.

Бабадул наедине продолжал свой труд и дивился, какая может быть работа, для которой нужна такая тайна. Горя нетерпением передать жене весть о своей счастливой встрече, он запер лавочку ранее привычного, и пошел к своему дому, стоявшему не далеко от маленькой мечети на балык-базаре, при которой он был Муэдзином.

Дильфериб, его сожительница, была почти так же стара и горбата, как супруг её. В следствии двух полученных золотых и в надежде

на получение многих будущих, они полакомились блюдом кебаба ([3]), салатом, изюмом и сладостями, после чего выпили по порции кофе, самого горячего и горького, какой только старуха умела приготовить,

Верный обещанию, Бабадул в полночь был у своей лавочки; Манзури пришел столь же исправно. Не говоря ни слова, первый дал завязать себе глаза; последний повел его за руку разными поворотами и обходами, до Султанского сераля; Манзури, остановясь на миг, отворил боковую железную дверцу, и ввел портного в самую внутренность покоев Султанских. Он снял с него повязку в темной комнате, освещенной одним малым светильником, который стоял на верхнем карнизе, но убранной великолепно штофными диванами и коврами тканья драгоценного. Здесь Бабадулу приказано было сидеть, пока Манзури не воротился с кражею, завернутою в большой шалевый платок; его раскрыли, и портной увидел род одежды дервиша, которую велено ему рассмотреть, и расчислив, во сколько времени он может сделать подобную, **сложить** и завернуть в ту же шалевую покрывш-

ку. Между тем Манзури велел ему дожидаться, пока он снова за ним не воротится, и исчез. .

Бабадул, рассмотрев одежду отовсюду; ощупав каждый шов и окончив над нею свои вычисления, лишь только завернул ее в платок, согласно с приказаньем, — как вошёл в комнату мужчина величавой наружности, которого взгляд заставил содрогнуться бедного портного — он взял у него узел и не говоря ни слова, вышел.

Бабадул рассуждал о странности своего положения; но едва успел опомниться от страха, причинённого последним явлением, как отворилась дверь с другого конца комнаты: таинственно вошел человек, богато одетый, с узлом в руке, покрытым шалью и почти равным величиною с тем, который недавно унесли из комнаты; он с видимым трепетом и с низкими поклонами приближался к портному, положил узел у ног его, поцеловал землю, и удалился, не взглянув и не сказав ни слова.

Это все очень хорошо — думал Бабадул;

Я, может быть, играю роль важнее, чем воображал себе. Но право лучше хотел бы чинить на лавочке свое старое платье, нежели

навязать на себя эту работу, сколь она ни выгодна. Кто знает, с каким умыслом меня завели сюда? Не жду добра от всех этих входящих и уходящих привидений, у которых словно языка нет в черепе. Гораздо лучше, если бы они возили мне поменьше поклонов, да говорили поболее, чтобы мне проведать, чем все это кончится. Слышал я про бедняжек, которых зашивают "в куль и бросают в воду. Кто знает, не хотят ля употребишь меня в портные на такую нужду?

Он едва успел окончить сей монолог, как явился невольник Манзури, и без дальних объяснений, велел ему взять узел — потом, завязав глаза по-прежнему, привел его обратно к тому месту, откуда они вышли. Бабадул, по данному слову, не предлагал вопросов, но условился с невольником, чтобы через три дня платье висело в его лавочке готовое, за что ему обещано еще десять золотых.

Освободясь от собеседника, он поспешил домой, зная, что жена нетерпеливо ждет его возврата; дорогою он радовался, что напоследок в самом деле получил выгодную работу, и судьба принесла ему счастье на старости.

Около двух часов утра,

постучался он у двери своего дома; жена его встретила с изъявлениями великой досады на его долгое отсутствие; но он при свете фонаря её, поднял узел вверх и сказал: Мужде! ([4]) что дашь за добрые вести? смотри-ка: работу мне дали, а, когда окончу, дадут и награждение хорошее. — Тут её лицо расцвело улыбкою.

Не трогай до вставания, а теперь время спать, сказал портной жене.

Ни-ни, отвечала она: не лягу, не посмотрев в узел, который тебе дали; не то — глаз не сомкну. — С сими словами, придерживая фонарь, она развязала узел. Но каково было изумление супругов, когда вместо пары платья они открыли завернутую в салфетке человеческую голову в самом ужасном виде?

Она упала из рук жены и откатилась на несколько шагов; и супруги в ужасе закрыли сперва лица руками, потом взглянули друг на друга с выражением неописанным.

Вот хороша работа! вскрикнула жена; такую-то добыл ты! Так далеко ходил, так остерегался — для чего? чтобы накликать беды се-

бе на голову. Платье сошьешь из мертвой головы что-ли?

«*Анна сenna*, баба *senna*! проклятие на мать его, гибель на отца его!» воскликнул несчастной портной; эка напасть какая! Вед сердце было не на месте, когда этот пес евнух говорил мне о тайне, о завязанных глазах. Клянусь, как честный Турок, я думал: верно уж дело не в одной паре платья; и без сомнения тот собачий сын все заранее придумал. Алла! Алла! что мне делать? Не знаю его дома, не то сей час бы воротился и кинул бы ему в рожу эту голову. Того и жди, к нам явятся Бостанжи-Баши с сотнею других Башей — , о нас взыщут пеню крови, а может быт у кто знает? повесят нас, утопят, или посадят на кол! Дильфериб, душа моя, скажи: что нам делать?»

Что делать? сказала жена; свалить с плеч эту голову, и дело с концом: мы не больше ко- другого обязаны держать ее у себя в доме. '

«Да скоро ведь свенет» прошептал портной, «а тогда уж будет поздно. Решимся скорее.»

Мне пришла мысль, сказала старуха. Сосед

наш, булочник Гассан, топит свою печь около сего часа, и вскоре потом ставит хлебы для утренних покупателей. Ему часто соседи заказывают печение, и свои горшки ставят накануне у отверстия печи. Дай положу голову в земляной горшок, да к нему и поставлю; авось не догадается; а как испечет, так мы уж не пошлем за ней: у него и сядет.

Бабадул подивился присутствию духа сожительницы, которая тотчас и привела в исполнение свой умысел. Уложив голову в хлебный горшок, она улучила мгновение, когда не смотрел никто, и постановила его на пол в ряду с прочими вещами, назначенными для печи Гассановой. Потом престарелая чета, вдвое защёлкнув дверь жилища, предалась покою, утешалась приобретением прекрасной шали и салфетки, где голова была завёрнута.

Булочник Гассан е сыном его Махмудом за-тапливали печь и совали в нее множество дров, хворосту и мусору; вдруг собака, которая в соседстве печки обыкновенно пользовалась падающими крохами хлеба и притом была в великой милости у правоверных Гассана и Махмуда, подняла визг и лай необы-

чайный.

«Взгляни, Махмуд», сказал отец сыну; «что сделалось с собакою? верно она чует что-нибудь чужое».

Сын исполнил приказание: но не видя причины тревоги, сделанной собакою, отвечал: «*Берчей иок* (нет ничего)» и отогнал ее.

Но визг не унимался; Гассан пошел сам и увидел, что собака все бегала вокруг посуды портного и непрерывно ее нюхала. Она бросалась то к Гассану, то к горшку, то опять к Гассану; и наконец булочник уверился, что животному хочется узнать, что там лежит. Он тихонько снял крышку; но какой ужас его объял, когда увидел он уставленные на себя глаза мёртвой головы?

Он закричал: Алла! Алла! но имея нервы довольно тугие, не уронил крышки, что на его месте случилось бы со многими — а спокойно ее наложил снова, и подозвал сына.

«Махмуд!» молвил он «скверен этот мир, и в нем есть люди скверные. Какойто нечестивец вздумал прислать на испечение человеческую голову; наше счастье и собака избавила печь от осквернения, и мы можем опять

приняться за хлебы с частыми руками и совестью. Но если уже диавол на просторе, пускай он не нам одним напроказит. Ведь когда узнают, что нам приносили испечь мертвую голову, кто нам будет заказывать? придется закрыть хлебню, да пойти по миру. Скажут, пожалуй, что мы тесто месим на человеческом жире; а если найдут нечаянно волос, тотчас уверят, что он вылез из мертвой бороды.»

Махмуд, малый лет двадцати, который с равнодушием отца своего соединял веселый нрав и присутствие духа, смотрел на это приключение как на случай позабавиться, и покатился со смеху при виде страшной образины, которую строила оскалившаяся голова в своем глиняном влагалище.

«Сунем ее в лавку к брадобрею Киор-Али ([5]), что живёт насупротив; он лишь только отворил ее; притом же он кривой — и верно не увидит, как мы свое дело сделаем. Дай мне голову, батюшка; меня не застанут; я ее поставлю тотчас, до рассвета».

Отец согласился, а Махмуд, уловив время, когда брадобрей на другом конце улицы делал омовение, вошел в лавку и уставил голо-

ву на *такче* или род уступа в стене, разложил вокруг неё несколько инструментов, как будто бы она ожидала, чем ее обрили, и с лукавым удовольствием дитяти воротится в свою хлебню, наблюдать: какое впечатление произведет необыкновенный посетитель на полуслепого цирюльника.

Киор-Али, хромая, тащился в лавку, плохо освещенную утренним мерцанием, насилу проникавшим сквозь налитанные маслом бумажные оконницы, и, осматриваясь, увидел лицо человека, который, думал он, в ожидании бритья сидел у степы.

«Ба! мир с тобою!» сказал он; «раненько брат пришел ты — я был тебя сначала не заметил. у меня и вода еще не согрета. Да, да! я вижу, тебе нужно выбрить голову. Да за чем же снял ты свой *физ* ([6]) так рано? ведь можешь простудиться.» Минута молчания. «Не отвечает!» подумал брадобрей «верно он дурак, а может и глухой. Впрочем, и я сам полузрячий; стало мы почти равные. Смеею сказать, однако, старый дядюшка», молвил он, обращаясь к голове, «что, когда бы я потерял и другой глаз, все бы тебя выбрил: право это

лезвие так же легко может скользнуть по голове твоей, как глоток вина по моему горлу».

Он методически приступил к приготовлениям: снял с гвоздя жестяной тазик, растер мыло, и провел бритву вдоль длинного кожного лоскута, привязанного к его пояску. Потом приблизился к мнимому посетителю, держа тазик в левой руке, и протягивая правую для опрыскивания бороды водою. Но приложась рукою к холодной голове, он отдернул ее словно от горячего угля. «Что за чертовщина, приятель? ты холоден как лед.» При второй попытке мылить голову, она страшным скачком упала на пол — и бедный цирюльник от страха проскакал с всю горницу.

«Аман, аман!» вскричал Киор-Али, прижавшись к дальнему углу и не смея двинуться: «на тебе лавку, бритвы, инструменты — все мое имение; жизнь одну пощади. Скажи мне, не *Шайтан* ли ты: но прежде прости, что я пытался брить тебя.»

Когда же он увидел, что с первою бедою все окончилось, и нечего бояться, он подошел и подняв голову за пучек, связанный на маковке, в изумлении стал ее осматривать. «Это

голова, клянусь всеми Имамами! да как же ты зашла сюда? Ты хочешь погубить меня, грязный кусок мяса? Этого не будет: если Киор-Али потерял один глаз» то другой видит за два. Я прямо б тебя отдал соседу Гассану; да жаль, на меня смотрит этот негодяй, его сынишка, который видит еще далее, чем остальной глаз мой. Постой! мы поместим тебя в такое место, где вреда не сделаешь: ты пойдешь к Яуру Янаки ([7]), Греческому *кебабчи*, он тебя изрежет на вкусные жилеи своим Едокам — они неверные.» Сказав это, Киор-Али продел одну руку с головою в боковое отверстие своего *бенича* или *епанчи*, и в другую взял трубку, пошел через две улицы к гостинице Грека.

Он всегда предпочитал ее трактиру Мусульманскому; ибо в ней мог пить вино без опасения. Часто посещая гостиницу, он знал, где сохранялся припас свежего мяса; вошел в лавку, и из подлобья оглянувшись, бросил голову за большой бараний бок, назначенный для дневного потребления. Утро, едва лишь рассвевшее, помешало другим застать его па деле. Он зажег трубку у деревянного уго-

ль Янаки, и чтобы найти предлог своему посещению, заказал себе для завтрака блюдо жареного мяса — в вознаграждение за раннюю тревогу.

Между тем Янаки вычистил посуду, расставил вертела в порядок, засветил огонь, приготовил шербеты, вымел свою лавку и напоследок — пошел в кладовую, взять мясо, нужное цирюльнику на завтрак. Янаки был настоящий Грек Цареградский: коварный, осторожный и ползающий перед высшими себя, самовластный с низшими; смертный ненавистник своих гордых обладателей Османлисов — но подлый перед всяким Турком, сколь бы низкого он ни был состояния, который удостаивал его своим вниманием. Посреди припасов, он высматривал какое-нибудь старое мясо, годное для цирюльника, бормоча про себя: для брюха Турецкого годно всякое серво. Ощупав часть барана, он сказал: «нет! это пусть останется;» но оборотив ее, увидел растарашенный глаз мертвого, и отступив несколько закричал: кто тут? Не получив ответа, он посмотрел в другой раз, в третий — подошел — потом пошарив между го-

ловами, ногами бараньими и прочими остатками кушаний, выдернул ужасную человеческую голову. Держа ее от себя на расстояние всей руки, словно в опасении, чтобы она его не уязвила, он заключил из пучка волос, связанного на маковке, что это была голова Мусульманина. «Анафема на твою бороду!» воскликнул Янаки. «Ах если-б я, как эту, держал в руке все головы проклятого рода Омарова! Я б изготовил из них кебаб, и даром накормил бы всякого пса в Константинополе. Всем бы вам погибель, а вашу мертвечину корм воронам и если б каждому Греку удалось, как мне, играть вместо мяча одним из безмозглых ваших черепов!» Он в ярости бросил голову об пол и оттолкнул ее ногою. «Однако,» подумал он, пришед в себя, «что ж мне с нею делать? увидят у меня: так а пропал;ведь не трудно поверить, что я убил Турка.»

Вдруг закричал он в коварном восторге: « а! хорошо, что вспомнил — к Жиду! к Жиду! никогда не видано, не слыхано приличнейшее место для такой башки. К нему я положу тебя, негодный остаток Мусульманина!»

Янаки схватил голову и, спрятав под одеж-

ду, побежал вдоль улицы к тому месту, где лежал распростертый труп Еврея, с головою между бедрами.

В Турции, как известно, когда голову отрубят у Магометанца, кладут ему оную под руку, в отличие от Христианина или Еврея, которым в поношение помещают в подобном случае голову между самыми бедрами. .

В таком положении поместил Янаки голову Турка, и сколько позволяла ему поспешность, необходимая в сем деле, постарался поместить ее щека об щеку с Евреем. Не смотрел никто, и на дворе было еще довольно темно; он безопасно воротился в свою лавку, в восторге, что ему удалось выразить всю ненависть свою к утеснителям, выставив голову Турка на столь обидное позорище.

Несчастный страдалец, Еврей, был обвинен в покраже и убиении Магометанского младенца — известно, что в Турции и в Персии Евреи не редко отправляли сей обряд, по их мнению, набожный — это обвинение взволновало сволочь Цареградскую, так что в угодность ей он был обезглавлен. Казнили его с умыслом напротив жилища одного богатого

Грека, и запретили свозить тело в продолжении трех дней. Чиновник, которому была вверена казнь, предпочел это место другому, в надежде сорвать с Грека порядочные деньги за преждевременное удаление трупа, которого соседство, по общему мнению, всегда есть предвестие беды. Но Грек, не заботясь о последствиях, затворил в доме своем окна и решился обмануть ожидание притеснителей. Таким образом казненный Еврей пролежал срочное время; редкий, кроме правоверного, смел приближаться к тому месту, боясь, чтобы Магометанская полиция, всегда пользующаяся случаем обидеть Яура, не заставила несть труп до места погребения; вот почему сей отвратительный, ужасный предмет оставался без присмотра, и Кебабчи Янаки мог беспрепятственно уложить голову, как выше описано. Когда же, с восходом дневным, улицы оживились: лишняя голова вскоре была замечена, и вокруг сошлась толпа несметная. Тотчас разнесся слух о чудесном трупе Жида с двумя головами. Это необычайное известие полетело из уст в другие: все взволновалось в городе; все бежало смотреть чудо. Еврейский

Сангедрин предрекал своему злополучному племени необычайное событие. Раввины бегали взад и вперед, и вся их община стекалась около трупа, ожидая, что он может быть встанет, и надев обе головы, избавит их от лапы утеснителей.

Но счастье как будто над ними издевалось — Янычар, замешавшийся в толпу, пристально осмотрев лишнюю голову, вдруг закричал с ужасом: «Алла-иль — Алла! это не головы неверных: одна голова нашего господина и повелителя, Янычар-Аги. После чего, завидя нескольких товарищей, он их подзвал и сообщил им открытие; они в порыве ярости побежали передать его в свою Орту.

Весть разнеслась как Греческий огонь, по всему корпусу Янычаров, и страшный мятеж возник немедленно: видно в городе не знали еще о убиении начальника, которому они были преданы, которого сами себе выбрали.

«Как?» говорили они: «мало еще изменнически отнять у нас любимого начальника! мы должны терпеть позор, которого выше смертные не знают! Как? благородной голове Янычар-Аги лежать бесчестно на ряду с башкою

Еврея! до чего мы дожили. Да не мы одни поруганы: весь Исламизм поруган, унижен, обесславлен! Нет: это дерзость неслыханная, это пятно сотрется только истреблением всего рода! — и какой пес смел это сделать? Какою судьбою его голова здесь? Не смастерил-ли этого проклятый. Визирь или Рейс-Эфенди с франскими послами? — Балла! Билла! Талла ([8]), клянемся. святой Каабою, бородою Османа, саблею Омара: мы за себя отмстим!»

Пока свирепствует мятеж, мы попросим читателя представить себе живо всю картину. Жидаы бегут во все стороны, спасаясь от разъяренных Турков, которые с хулениями рыщут по улицам толпами, и до зубов вооружённые палашами, пистолетами, призывают мщение на все, что им встречается. Пусть он представит себе город с узкими улицами, низкими домами, посреди коих теснится бесчисленной народ в одеждах разного покроя, пестрых красок, и кричит, мятемся как бы в ожидании чего необычайного. Между тем бросим взгляд во внутренность сераля, посмотрим, что делало Его Султанское Величество с тех

пор, как мы расстались с ним.

В ту самую ночь, как приходил портной, Султан повелел тайно отрубить голову Янычар-Аги, обожаемого войсками и зачинщика всех беспокойств, не давно происходивших между ними. В своем нетерпении, он приказал принести ее к себе, лишь только отрубят. Человек, коему было вверено исполнение приказа, вошёл в комнату, куда ему велели явиться с головой, и видя в ней сидящего мужчину, естественно принял его за Султана; не осмелившись взглянуть, поспешил положить у его ног свое бремя, и вышел с поклонами, которых наш портной был свидетелем, Султан лишь перед тем унес у портного узел с одеждою Дервиша, замыслив обмануть самого раба Манзури и заменить ее другою: — он хотел утаить свое новое одеяние даже от сего последнего; — но не предугадав ни принесения головы, ни скорого возврата Манзури к портному, он сам остался в совершенной нерешимости, когда, воротясь, не нашел уже ни раба, ни Бабадула. Догонять их — значило б нарушить всю тайну; и так он решился дожидаться возвращения Манзури и от него

услышать объяснение случившегося: он знал, что они не могли уйти без платья, а платье находилось у него в руках. Между тем, беспокоясь об участи ожидаемой головы, он послал за чиновником, которому была вверена казнь — они объяснились, при чем можно себе представить смущение обоих.

«Клянусь бородою» воскликнул, подумав, Султан «клянусь бородою! голова верно у портного.»

Нетерпение его видеть Манзури увеличилось. Напрасно он бесился, курил, кричал: Алла! Алла! Это ни на миг не ускорило возвращения невольника, который преспокойно собирался лечь в постель, когда его снова позвали к Султану.

Он не успел явиться, как Султан закричал: ай Манзури! скорей беги к портному; он вместо одежды дервиша унес голову Янычар Аги; не теряй времени, беги; не то быть беде!» Тут он объяснил ему несчастное приключение. Манзури в свою очередь потерял решимость: ибо умел найти только лавочку Бабадула, но вовсе не знал его жилища. Однако, боясь и еще более прогневить повелителя, он пустил-

ся отыскивать портного и пошел прямо к лавочке, надеясь о жилище проведать от соседей. Безестан еще не был открыт; только одна кофейная была отворена для ранних посетителей; он прибегнул туда, но не получил никакого сведения. К счастью он вспомнил, что Бабадул называл себя Муэдзином небольшой мечети на балык-базаре — и поспешил туда. В то время *Эзан* или призывание к утренней молитве, раздавался со всех минаретов, и Манзури надеялся застать хищника головы в тот самый миг, когда он будет призывать правоверных к молитве.

Приближаясь к мечети, он услышал дрожащий, прерывистый голос, который всем напором легких рассекал тишину утреннюю, и показался ему сходным с Бабадуловым; он не обманулся и, остановясь у подошвы минарета, увидел старика, ходящего вокруг по галерее и с руками в ушах ([9]), с открытым ртом исправляющего службу свою кричащего изо всего горла. Портной едва увидел телодвижения, которыми манил его Манзури, как исповедание веры засело в его горле; и в испуге, колеблясь между мыслию о мертвой го-

лове и о словах духовных, он, говорят, напел такую чепуху, что причинил соблазн многим набожным соседям, внимавшим его пению. Он сбежал без памяти, и защёлкнув за собою дверь, ведущую на лестницу, встретил на улице Манзури. Не дождавшись допроса об участи бедной головы, он напал на невольника за его мнимый обман и хитрость.

«Не стыдно-ль» сказал он «поступить с бедным Эмиром ([10]), как ты поступил со мной? Разве мой дом — бойня? Уж не пришел ли ты обвинять меня в убийстве?» «Не говори, приятель» отвечал Манзури: разве не видишь, что это ошибка?»

«Хороша ошибка» закричал портной ты ее придумал для того, чтоб напугать бедного человека. Один меня как дурака уверил, что закажет у меня платье, другой унес образец, а третий на место его дал мне мёртвую голову. Алла! Алла! попался я в гнездо разбойников, в шайку злодеев.»

Манзури зажал рукою рот портного: «Молчи» сказал он «сделай милость; ты все больше себя путаешь. Если-б ты знал, кого бранишь!»

«И знать не хочу» отвечал Бабадул и «толь-

ко и знаю, что кто вместо платья дает отрубленную голову, должен быть пес неверный.»

«Ты неверным псом называешь наместника Божия на земле? ты глупец полу-портной, полу-молельщик!» воскликнул раздраженный Манзури. «Твои подлые губы смеют порочить имя того, кто есть *Алем-ленали*, прибежище мира? — говори скорей: где голова мертвого — не то вместо её отрублю твою долой.»

Услышав это, портной стоял с открытым ртом, как будто в только в ту минуту отворились двери его разума. «Аман, Аман!» закричал он евнуху. «Ага! я не знал цены словам моим: кто б это подумал? Я не догадался: я осел, дурак, дубина. *Бистилли* ([11])! во имя Пророка, приди ко мне в дом: стопы твои принесут счастье, и чело раба твоего поднимется до неба.»

«Нельзя — спешу» сказал Манзури: да «где голова? подай мне голову Янычар-Аги.»

Когда портной услышал, чья голова была у него, и вспомнил, каким образом он от неё избавился — колена его подкосились от страха, и пот выступил по его телу.

«Где она, вправду?» сказал он. «Ах, что со мной сделалось! какой злой *кизмет* (судьба) напал на нас.»

«Где же она?» повторил несколько раз невольник «где она? говори скорей!»

Бедной портной был в совершенном недомумении, и перебиваясь от одного ответа к другому, наконец вовсе запутался, как в неводе.

«Сжег ты ее?»

— «Нет.»

«Забросил? »

— «Нет.»

«Так во имя Пророка, чтож ты с нею сделал? съел ее?» .

— «Нет.»

«Она лежит у тебя в доме?»

— «Нет.»

«Ты ее спрятал в чужом доме?»

— «Нет.»

Вышел из терпения, невольник Манзури схватил Бабадула за бороду, и грозно трянув ему голову, вскричал: «шут! скажешь ли, что с нею сделалось.»

«Ее пекут;» отвечал поперхаясь портной «я

уж говорил тебе...»

«Пекут!» воскликнул раб в великие изумления: «для чего ж ты пек ее? Для Еды что-ли?»

«Пекут, да и только;» отвечал Бабадул «я говорю правду: чего ж тебе больше? Тут он ему признался, что сделали он и жена его в недоумении.

«Веди меня к булочнику;» сказал Манзури «мы ее получим хоть полу-изжаренную если нельзя иначе. Кто бы подумал, что станут печь голову Янычар — Аги? Алла-иль-Алла.»

Они отправились к булочнику Гассану, в то время вынимавшему хлеба свои из печи; сказали, чего ищут, — и он без околичностей объяснил все обстоятельства переноса головы из горшка на стол цирюльника, почитая за счастье, что имеет случай отговориться от ответственности в деле столь опасном.

Все трое (Манзури, портной и булочник) пошли потом к цирюльнику, и спросили: что он сделал с головою первого своего посетителя?

Киор-Али, помявшись, начал божиться, что почел сей ужасный предмет непосред-

ственным даром самого Эвлиса, по праву долженствовавшим перейти к Яур-Ямаки, который без сомнения поднес уже его своей неверной братии в виде кебабов. Полные изумления, на каждом шагу призывая Пророка, и не зная, чем кончится такой неслыханный ряд приключений, они присоединили брадобрея к своей шайке и пошли в гостиницу Янаки. .

Грек, изумлённый прибытием столь многих правоверных, имел уже предчувствие что они пришли за мясом, не столько вкусным как баранина. Когда его спросили о мёртвой голове, он стал упорно утверждать, что никогда её не видывал, и ничего о ней не знает.

Цирюльник показал место, где оставил голову, и поклялся в том именем Корана.

Манзури не успел приняться за исследование спорного дела, как они заметили чрезвычайное волнение, возникшее в городе за открытием двухголового Еврея, и за другим открытием, которое имело столь сильное действие на весь корпус Янычаров.

Манзури, в сопровождении портного, булочника и брадобрея, пошел к месту, где ле-

жал распростертый труп Еврея, и каждый в изумлении узнал своего утреннего гостя— искомую голову,

Между тем Грек Янаки, зная, какой жребия его ожидал, не теряя времени собрал все деньги, бывшие у него под рукою — и бежал из города.

«Где Грек?» спросил Манзури, смотря кругом и думая, что он шел также за ними: «мы все пойдем к Султану.»

«Он бежал, поверьте мне» отвечивал цирюльник: «я хоть и слеп, но вижу, что он подарил Жиду лишнюю голову.»

Манзури хотелось бы взять голову назад; но его окружила толпа вооруженных и бешеных воинов, обещавших отмстить тому, кто у них отнял военачальника: потому он почел благоразумным удалиться, и в сопровождении трех свидетелей явился к своему повелителю.

Читателю легче вообразить, нежели мне описать, чувствования Султана, когда Манзури донес ему все, что случилось: где он нашёл голову Янычар-Аги, как она зашла туда и какое причинила смятение. Обнародовать по-

дробно весь ход приключений — подвергло бы посмеянию и унизило б царское достоинство; но оставить дело в настоящем виде — также не было возможности: ибо смятение могло возвыситься до такой степени, что нельзя было бы унять его: оно могло бы и кончиться низвержением и смертью Монарха.

Султан несколько времени оставался в нерешимости, крутя кончики усов своих, и тихо твердя: Алла! Алла! — наконец велел призвать к себе Великого Визиря и Муфтия.

Испуганные внезапностью зова, сии два великие сановника прибыли к Императорским воротам не в завидном расположении духа;

но как скоро Султан уведомил их о смятении, возникшем в столице, они снова успокоились.

По некотором соображении решено, чтобы портной, булочник, цирюльник и кебабчи предстали пред судилище Муфтия, который, выслушав против них обвинение в заговоре на Янычар Агу и в покраже головы его для испечения, обриту, изжарения, осудил их за-

платить пеню крови; но поелику кебабчи нанес голове огромную и неслыханную обиду, причинил тем бунт и сверх того был Грек и неверный: решили, чтобы Муфтий издал против него *фетву*, в силу которой каждый мог срубить ему голову и положить ее на том позорном месте, где он положил голову Янычар-Аги.

Потом Султан условился с великим Визирем, для усмирения Янычаров, назначить нового Агу, ими любимого, а прежнего схоронить с надлежащею почестью. Все было исполнено (кроме умерщвления бежавшего Грека) и спокойствие водворилось опять в Константинополе. Но к чести Султана надобно прибавить, что он не только заплатил за портного, булочника и брадобрея взысканную с них пеню, но еще дал каждому из них порядочное возмездие за претерпленное ими замешательство ([12]).

В. Т.

Переход чрез реку, приключение Брамина Парамарты

Индийская сказка.

Некогда жил был Брамин по имени Парамарта ⁽¹³¹⁾. у него было пять учеников, которые помогали ему в отправлении: его должности и вместе служили: ему; одного из них звали Бестолочь, другого Незнайка, третьего Шальной, четвертого Зевака, пятого Неуч.

Однажды все шестеро вместе обходили они околосок. На возвратном пути в Мату (Индийский монастырь) пришли они около полудня: к берегу реки, пересекавшей их дорогу; прежде нежели решились перейти чрез нее, они принялись выискивать удобнеее для того место, и нашедши оное, ученики уже хотели было переправляться, но Брамин остановил их:

«Дети мои!» сказал Брамин «река эта бывает часто в сердитом духе; везде носят слухи о многих плачевных приключениях, которых она была причиною. Мне сказывали, что для

избежания несчастного случая, надобно переходить через эту реку только в то время, когда она спит; следственно: прежде нежели мы решимся вступить, надлежит одному из вас как можно осторожнее исследовать, спит она, или нет; после чего мы и решимся, теперь ли переходить чрез нее, или ожидать благоприятнейшего времени.»

Совет учителя показался очень мудрым ученикам его и *Бестолочь* отправился для исследования, спит-ли река, или нет. Чтобы увериться в этом, он взял головню, которого только что раскурил свою трубку, и тихонько, чтоб не разбудить реки, приложил горящую головню к воде. Едва успел он это сделать, как головня зашипела, погасла, — вода взволновалась и дым ослепил глаза *Бестолочи*. *Бестолочь*, испуганный всеми сими явлениями, со всех ног бросился бежать к тому месту, где оставил Брамина с прочими учениками. Испуганный, задыхаясь он едва мог выговорить следующие слова: «исполать тебе, учитель, что ты послал меня исследовать, в каком состоянии река находится; если бы мы решились переправиться через нее не взяв-

ши этой предосторожности, то из нас никого в живых не осталось бы, поглотила она-бы нас всех «Исполняя твое приказание, я приблизился к реке, как можно тише, на цыпочках для узнания, спит-ли она, или нет; чтобы увериться в этом, я потихоньку приложил к ней вот эту головню и что же? не успел я дотронуться, как она вошла в такое бешенство, что вся вода вокруг взволновалась, река зашипела, как рассерженная змея с шапкою ⁽¹⁴⁾), и в сердцах столько на меня пустила дыму, что я чуть не задохся: одним словом — величайшему чуду должен приписать я то, что после всех опасностей Меня окружавших я ещё в живых остался.» Выслушав с величайшем вниманием рассказ Бестолочи, Брамин воскликнул с видом спокойствия и покорности: «Да исполнится воля богов! Нельзя идти против своей судьбы, и мы с терпением и покорностью должны переносить препятствия нам в сей жизни встречающиеся. Следуйте за мною и в ожидания благоприятнейшей минуты для переправы через реку отдохнем под тенью этих дерев. И Парамарта с пятью учениками уселись под тетю пальм, находив-

шихся на берегу, ожидая спокойно минуты, когда река заснет и им безопасно можно будет чрез нее переправиться. Сидя таким образом, ученики от безделья принялись рассказывать своему учителю различные происшествия, в коих река — предмет их заботы играла важную роль. *Незнайка* первый начал рассказ свой: «Когда жив был мой покойник дедушка, тогда я был еще ребенком, и он рассказывал мне про многие жестокости и плутовства этой реки. Вот одно происшествие, которое с ним самим случилось при переправе через нее и которое он часто любил повторять: прежде всего я должен вас предупредить, что отец мой был очень известный торгош в нашей стороне; он торговал солью. Однажды путешествуя с одним из своих товарищей и с двумя ослими, навьюченными мешками с солью, они пришли к этой реке, через которую им надобно было переправляться. Накануне этого ночью тел сильный дождь, вода прибыла, и когда ослы вошли в воду, то мешки с солью совершенно охватило водою.

Было жарко и отец мой с товарищем остановились на середине реки, принялись мыть

себя и ослов, чтобы им всем четверым было прохладнее, и как им это очень понравилось, то они остались там довольно долгое время. Наконец — надобно же им было выйти из реки и продолжать путь свой; но вообразите себе их удивление; вышедши на берег с своими ослиами, они увидели, что мешки, которые битком были набиты солью, сделались совершенно пусты. Ни порошинки не осталось, все река съела, и так искусно, что они этого и заметить не могли. Но всего удивительнее им показалось то, что река украла вею соль не разорвавши и даже не развязавши ни одного мешка.

Однако же мой дедушка с своим сотоварищем скоро утешились в этом нещастии «Слава Богу» сказали они промеж себя «что лишь только на соли вся беда оборвалась, и мы не за маловажное счастье должны почитать, что эта жестокосердая река, съевши нашу соль и нас не поглотила с нашими ослиами.»

Когда Незнайка кончил свою историю, *Шальной* сказал следующее. «давно уже слышал я о плутовствах и хитростях этой реки; они в этой стороне веем известны, и вот одна

из её хитростей, о которой все рассказывают ([15]).

Однажды собака украла часть баранины в ближней деревне и весьма довольная своею добычею, возвратилась домой, неся ее во рту. В то самое время, как она переправлялась через реку, река представила ей в воде другую собаку также с куском баранины, и, как казалось нашей собаке, гораздо с большим, нежели у нее. Тотчас захотелось ей воспользоваться этою новою добычею; она кидает свой кусок, бросается за чужим, но в одно мгновение ни того, ни другого куска не стало, река поглотила их обоих; и бедная собака воротилась домой с опущенным хвостом и пустым желудком.»

Между тем как Парамарта с своими учениками, сидя под тенью пальм, убивали время рассказами о реке, — какой-то человек с другой стороны реки переправился через нее в брод; видя, что глубина реки не больше как на локоть, он смело вошел в воду и выехал на берег без малейшего затруднения.

Можно посудить о удивлении, которое ощутили Парамарта с учениками, видя, что

всадник легко и без малейшей опасности переправился через реку. Изумлённые долго они молча смотрели друг на друга; наконец *Зевака* вымолвил: «Видели вы, как этот человек верхом легко переехал, чрез воду? тогда как мы не знаем, к чему руку приложить, кому обязан он этим счастьем, если не своей лошади? Видите, вы, как полезно иметь лошадь? Если-б у нашего учителя была лошадь, то посредством оной мы бы переправились чрез эту реку без всякой опасности.»

Другие ученики одобрили мнение *Зеваки* и собравшись все вместе, преступили к учителю с живейшею просьбою о том, чтобы он как можно поскорее купил себе лошадь за какую-бы то цену не было.

Учитель уважил мнение учеников своих, но как уже было поздно и им совсем не хотелось провести ночь на этом месте, они прервал их просьбы следующими словами: «мы об этом деле поговорим после; теперь же надобно подумать, как выйти из затруднительных обстоятельств, в коих находимся, и перейти через реку. Обратившись к *Бестолочи*, он снова приказал ему исследовать, спит-ли

река или нет.

Бестолочь послушался и взявши снова головню, которой он прежде дотрагивался до реки, и которая тогда еще совсем погасла, он потихоньку приблизился к реке с сердцем, трепещущим от страха, и дрожащею рукою дотронулся до воды погасшею головнею. На этот раз вода не взволновалась, не зашипела. Ободренный сим первым опытом, он впустил головню еще дальше в воду, но как головня была совсем холодна, то не произвела никакого страшного действия, которое прежде так напугало бедного *Бестолоч*.

Совершенно ободрённый своими опытами, Бестолочь вне себя от радости, прибежал к Парамарте и сказал ему с видом довольства блиставшего во всех его движениях: «господин учитель! господин учитель! возрадуйтесь со мною! хорошие, славные вести! река спит глубочайшим сном. Вот благоприятная минута для переправы! пойдем те же, не теряя времени и следуйте все за мною как можно тише.»

Услыхав сию приятную новость, Парамарта с учениками поднялись и тихо, сохраняя

глубочайшее молчание, смертно боясь, чтобы не разбудить реку, на цыпочках приблизились к ней.

Однако ж, хотя воды не было и по колена, они вошли в воду с большею предосторожностью; во время переправы сердце у них сильно билось от страха; они сохраняли глубочайшее молчание, едва смели дышать, чтобы не взволновать воду; ступивши одною ногою, они поднимали другую обеими руками и тихо опускали ее в воду. Наконец с большою боязнию и уставши до смерти, они перетащились на другую сторону.

В то время, как они поздравляли друг друга с счастливою переправою и в радости забывали все напасти, грозившие им, в тот день вздумалось одному из учеников, а именно *Незнайке*, перечитать все сообщество, дабы увериться, что никто из них не остался в реке во время переправы; но считая Незнайка позабыл включить в счет самого себя и начёл всего только пять человек. Уверившись сим счетом несколько раз повторенным, что одного им недостает, он воскликнул: «ах какое несчастье! какое несчастье! один из нас уто-

нул в реке во время переправы! когда мы вошли в реки, нас было шесть человек, а теперь всего только пять осталось. Чтоб уверить вас в этом, я еще перечту.«Станьте рядом, — один подальше от другого, — чтоб не смешаться.» Учитель с учениками стали рядом, Незнайка снова несколько раз пересчитал их; но как каждый раз он забывал включать в счет самого себя, то все по счету выходило только пять человек.

Парамарта и другие ученики, убежденные, что не может быть ошибки в счете, столько раз повторенном Незнайкою, душой уверились, что точно им одного не достает, и что один из их товарищей поглощен рекою. Немедленно глубокая печаль распространилась между ними: они хватали друг друга под руки, наполняли воздух своими криками и рыданиями, ударяли себя в грудь и одним словом показывали все знаки отчаяния, как-то обыкновенно делают, потерявши друга или родственника.

Нагоревавшись досыта, они обратились к реке с жесточайшими упреками. «Жестокосердая река?» восклицали они, «проклятая ре-

ка! ты, превосходящая свирепостью и тигров, и львов и других хищных зверей! Как в тебе достало духу поглотить одного из учеников славного Парамарты, сего знаменитого мужа, коего имя столь уважается во всей стране нашей, сего святого учителя, коему все без изъятия приносят дань почтения, удивления и похвалы? После такого вероломства кто осмелится опустить ногу в твои коварные воды? —»

От упрёков они скоро перешли к проклятиям; каждый из них проклинал ее, являя все признаки совершенного отчаяния.

«Чтоб иссякнуть твоему источнику,» говорил один, «пусть осушится дно твое и не оставит на себе и малейшего признака твоего существования.»

«Чтоб лягушки с рыбами выпили тебя до суха,» говорил другой, «си чтоб ты не мокрее была песчаных берегов твоих. »

«Чтоб засуха тебя засушила,» говорил третий, «чтоб три года не было капли дождя, чтобы ключи твои заперлись, чтобы комары с мухами расхаживали по дну твоему и смеялись твоему бессилию»

«Чтобы огонь поглотил тебя,» говорил четвертый, «от устья и до русла.»

«Чтобы не было у тебя ни влаги, ни пролады,» говорил последний, «и чтоб дно твое покрылось кремнями и тернием. »

Между тем как Парамарта с своими учениками предавались отчаянию и проклинали реку, проходит путешественник: несколько времени слушал он в молчании горький их ропот, наконец с видом сострадания он спросил у них о причине их глубокой горести.

Учитель прерывающимся от слез голосом рассказал ему все несчастья, которым они в тот день подвергались, а особливо бедственный случай, погубивший одного из двух со товарищей во время переправы через реку; «ибо,» говорил Парамарта, «когда мы вошли в реку, нас было шесть человек, а, когда вышли, то осталось только пять, в чем убедил нас Незнайка многократными исчислениями.»

Путешественник, заметив из сих слов, до какой степени доходила простота Парамарты и учеников, вздумал воспользоваться их слабоумием:

«Признаюсь,» сказал он со вздохом, «что

вам не могло приключиться большего несчастья. Горесть ваша трогает мое сердце, и я готов быть вам полезным и возвратить вату потерю; ибо прежде всего я должен уведомить вас, что я великий чародей, и что если вы будете иметь ко мне доверенность и дадите мне награду, соразмерную услуге, которую я намерен оказать вам, то я возьмусь посредством тайных заклинаний воскресить из мертвых того из вас, который утонул в реке.

Парамарта принял предложение чародея с величайшею радостью. «У меня остается,» сказал Парамарта, «40 золотых фанонов от суммы, которую я взял на дорогу; если ты в самом деле может воскресить того из учеников моих, которого поглотила эта проклятая река, то я с радостью дам тебе 40 фанонов. Не требуй с меня больше, ибо ничего нет больше.»

— Сорок золотых фанонов — воскликнул чародей — этого очень мало в сравнении с услугою, которую я намерен оказать тебе. Но, впрочем, если у тебя только и есть, что сорок фанонов, а ты мне кажется не хитрым человеком, да и сверх же того, ты особа, всеми ува-

жаемая: то я соглашаюсь за эту небольшую сумму воскресить того из твоих учеников, которого поглотила река эта. —

Тут путешественник показал Парамарте и ученикам его толстую палку, находившуюся у него в руках: «Вся моя чародейская наука,» сказал он, «Заключается в этой палке, и из конца этой очарованной палки выскочить тот из вас, который утонул в реке, для сего вы все должны стать рядом, и чтобы каждый из вас дал мне позволение ударить себя по плечам этою пылкою; получивши удар, каждый из вас откликнется мне своим именем, а между тем буду считать вас, и к концу счета очутятся здесь все тесть человек, как было до переправы через реку.»

Сказав сии слова, путешественник устави́л их в ряд и начиная с Брамина, отвесил ему препорядочный удар по спине волшебною пылкою. «Ох, тише! тише!» вскричал он, «это я Брамин Парамарта.»

— Вот один! — сказал чародей, и еще сильнее ударил по спине Бестолочь. «Ай! поясницу мне перешибли — вскричал он, «это я! ученик *Бестолочь!*»

— Вот другой! — сказал чародей, и таким образом продолжая каждого наделять добрым ударом по спине от одного до шестого, добрался до последнего; это был ученик *Незнайка*, тот самый, который прежде пересчитывая товарищей, не мог одного досчитаться. Чародей так его хватил по спине, что бедный Незнайка хлопнулся оземь: «Вот вам наконец и шестой,» вскричал чародей, это утопший; я возвращаю вам его в целости.»

Тогда убедились Парамарта и ученики его, что тот из них, который утонул в реке, точно воскрес под волшебною пылкою чародея; не желая снова заставить его поверить счет, они заплатили поскорее ему условленную сумму, поблагодарили его за услугу им оказанную и направили шаги к своему монастырю, куда и достигли без дальнейших приключений.

Примечания

Хун Киар, слово в слово кровопийца: название, которое дают Персияне членам Султанской фамилии Рума или Турции.

[^^^]

Муэдзин — крикун, с минарета призывающий; Магометан к молитве. балык — значит рыба (что перешло и в Русское): балык-базар — рыбной ряд.

[^^^]

Кебаб — жареная баранина, изрезанная на тонкие ломти; любимое кушанье в Константинополе.

[^^^]

4

Мужде — подари: выражение Турецкое.

[^^^]

5

Киор-Али — кривом Али.

[^^^]

6

физ — род шапочки, которую Мусульмане носят под чалмами.

[^^^]

Происходит от *Яни*, или *Иоанн*; окончания собственных имен на *ки* и *ско* суть любимые у Турков. *Кебабчи* — тот, кто готовит кебабы, но вашему трактирщик.

[^^^]

8

**Валла! билла! талла! — божбы Янычар-
ская.**

[^^^]

Муэдзин, призывая народ к молитве, затыкает уши руками, в знак отвержения сует земных.

[^^^]

Эмирами называются потомки Магомета; они имеют различные преимущества, как, на прим. носить зеленые чалмы и судиться особым начальником, который называется *Емир-Ешраф* или Шериф Емиров. Кто ранит Емира, тому отрубают руку в наказание.

[^^^]

Во имя Божие.

[^^^]

Сия повесть взята из книги *Adventures of Hadji Baba of Israhán*, приписываемой Мольеру, известному своим путешествием в Персию. Хаджи — Баба — род восточного Жиль — Блаза; в нем изображены все состояния.

[^^^]

13

Это имя значит: простодушный.

[^^^]

Cobra de capello — змея с шляпою; сие имя дано ей потому, что кожа на голове её растягивается в видъ шляпы, когда она сердится.

[^^^]

Эта басня напоминает всем известную: Собака и её тень. Я думал прежде, что она вставлена гораздо после сочинения сей книги, но вскоре уверился, что эта басня точно Индейского происхождения и всем Индейцам давно известна.

[^^^]